

+ ИХ МАРИЯ ХАЙТ ✦
ЛУЧШАЯ ✦
ИГРА ✦

Freedom

Москва
2025

Читайте в серии «Любовь на каждой странице»:

Даша Коэн
«Спорим, тебе понравится?»

Екатерина Давыдова
«Журавли, синицы»

Рия Ли
«Пчелиный рой»

Камила Соколова
«Форчекинг»

Мария Хайт
«Ты — мой главный соперник»
«Их лучшая игра»

+ ИХ МАРИЯ ХАЙТ ✦
ЛУЧШАЯ ✦
ИГРА ✦

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х15

Иллюстрация на обложке *dead white square*

Художественное оформление *Марии Фроловой*

Хайт, Мария

Х15 Их лучшая игра / Мария Хайт. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Young Adult. Любовь на каждой странице. Молодежная романтика).

ISBN 978-5-04-222585-7

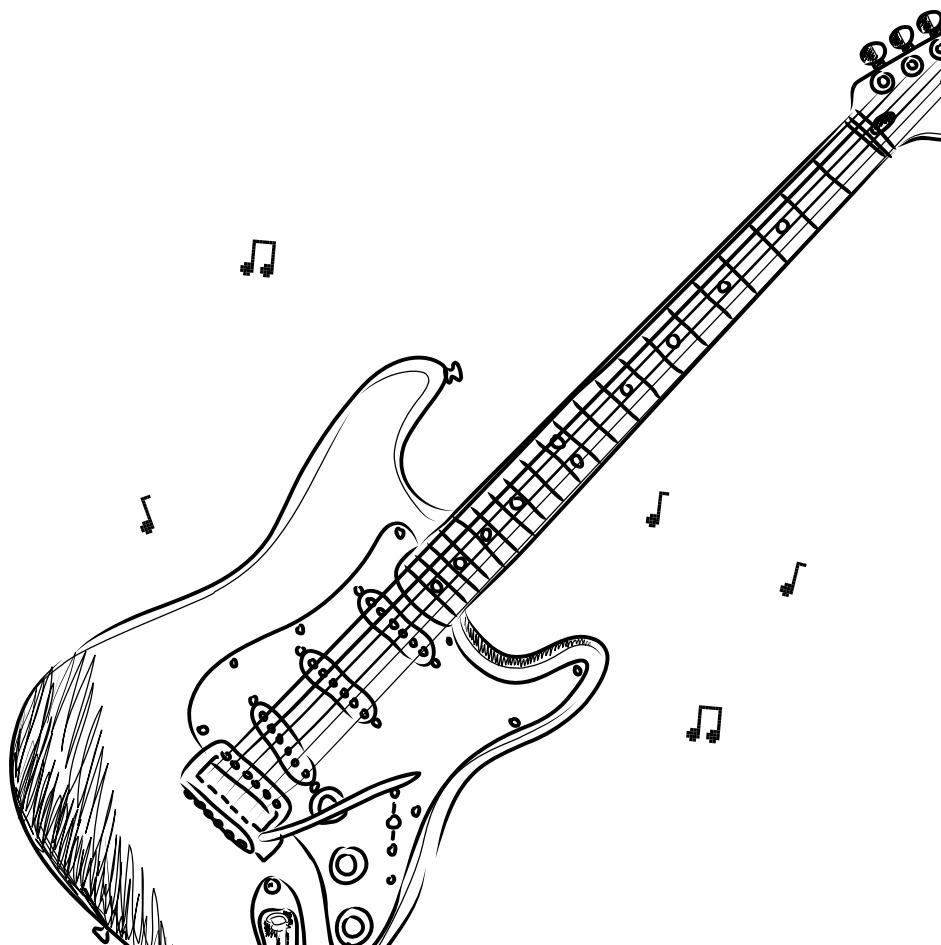
Кира Явина играет в музыкальной группе и учится на программиста, желая стать разработчиком игр, однако смерть отца, продажа квартиры и переезд в другой город заставляют девушку начать жизнь с чистого листа. Но мечта не дает Кире покоя, а еще ей очень нужны деньги, поэтому она устраивается в ночной клуб с сомнительной репутацией. Там девушка встречает загадочного певца Дэми, и его выступления трогают сердце Киры. Но Дэми — не тот, кем кажется на первый взгляд. Прошлое парня окутано тайной, а за маской уверенности скрывается ранимое сердце. Готова ли Кира узнать правду о клубе и тайнах парня — и какой ценой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222585-7

© Мария Хайт, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Часть 1

Сколько историй начинается банально с дороги и двух человек в машине? Сотни. И каждая сулит интересный рассказ о том, как эти люди там оказались и что гонит их прочь в другой город к незнакомцам и чужим улицам.

Мать и дочь ехали на потрепанном «Солярисе» уже около трех часов. Мать — за рулем, дочь — на сиденье рядом, прислонившись лбом к холодному, заляпанному пальцами стеклу. Машина из каршеринга монотонно гудела, скользя по мокрому асфальту изношенными шинами. По ту сторону металлической коробки на пассажиров глядела облетевшими кривыми деревьями хмурая осень.

По радио скороговоркой, разбавляя немногочисленные попсовые песни, звучала глупая реклама, а в багажнике грохотали неудачно сложенные друг на друга чемоданы.

— Надеюсь, крышка не откроется. — Мать бросила нервный взгляд в зеркало заднего вида. — Не хочу тут останавливаться: земля совсем раскисла.

— Не откроется, — равнодушно заверила дочь.

Первый короткий диалог за полтора часа словно нарушил какое-то негласное правило и сломал стену между ними.

— Хорошо, что в Москве полно университетов, и тебя смогли перевести.

— Да, действительно.

— Слушай, Кир...

— Мам, следи за дорогой.

— Слежу. Дочка, ты же понимаешь, что переезд был необходим?

— Конечно, мам. Я не злюсь. Но я же могу немного расстроиться?

— Да, можешь. Просто...

— Я знаю, ты хочешь, чтобы все вокруг были счастливы, тогда и тебе легче. Но сейчас я не могу радоваться... не только из-за переезда...

Кира замолчала, побоявшись расплакаться. Мама и так ее поняла. Всего полгода назад ушел из жизни отец Киры — Николай Евгеньевич, которому было сорок восемь лет. Обычный сердечный приступ, о котором ни мать, ни дочь не знали, поскольку произошел он ночью, пока отец работал в кабинете. Он часто так делал: оставался до утра за компьютером, не ел и не пил. Работал. Вечный страх за ипотеку и кредит на учебу дочери вынуждали необдуманно изнашивать собственный организм. Таким уж он был.

Мама нашла его с закрытыми глазами, обмякшим в кресле и пугающе скрюченным. Поначалу она решила, что он просто спит. Так было уже сотни раз. Отец засыпал в рабочем кресле постоянно. А ино-

гда приходил к ней в постель далеко за полночь и потом храпел до утра. Но в этот раз он не издавал ни звука. В комнате царила давящая тишина.

Когда мама все поняла, было уже слишком поздно.

После смерти отца жизнь пошла наперекосяк. Мама, до того работавшая на себя, за время похорон и поминок растеряла всю клиентуру. Да и прежде ее доходов едва ли хватало на коммунальные услуги и кастрюлю борща. Ответственность за содержание семьи, невзирая на уговоры мамы, отец целиком и полностью взвалил на себя.

И вот мама отправилась на поиски работы, ведь ипотека и кредит сами себя не выплатят. Она долго слонялась по захудалым офисам: никто не мог предложить зарплату, которая бы покрывала и то и другое да еще позволяла купить продукты, чтобы хоть как-то дожить до следующего месяца.

От патовой ситуации ее спасла подруга из Москвы. Та сотрудничала с крупным издательством и предложила кандидатуру мамы в качестве корректора. Правда, от ипотечной квартиры пришлось отказаться и продать ее с торгов: учеба Киры была в приоритете.

Первое время мама не находила себе места, ведь она должна была бросить бабушку. Та хоть и заявляла, что справится без их помощи, но была слишком больна даже для простейших бытовых вещей вроде мытья полов или готовки. Временами давление бабушки скакало так, что она часами силилась подняться с кровати.

Кира помнила, как бабушка предложила сдать ее в дом престарелых, на что мама лишь горько заплакала и выбежала из комнаты.

Было решено перевезти бабушку в Москву, но позже, когда уляжется вопрос с работой. Квартиру подруга матери предложила свою, доставшуюся по наследству от бездетного дяди: небольшую хрущевку в Чертаново.

— Тебе что-нибудь нужно? — Голос матери вырвал Киру из воспоминаний. Они остановились на заправке по зову природы и долить в бак бензина.

— Разве что воды.

— Она тут стоит как шатл. Давай лучше кофе или, может, булочку какую?

— А они что, меньше стоят?

— Нет, но энергетическая ценность у них явно выше.

— Хорошо. Кофе и булочку. — Кира беззлобно улыбнулась.

Провожая маму взглядом, она снова погрузилась в воспоминания о минувших днях. О том, как прощалась с подругами из университета, как плакала на пороге опустевшей квартиры, с какой жадностью глядела на парк, где они с отцом порой ели мороженное. Все это осталось позади и ранило Киру в самое сердце. Она всегда привязывалась к вещам и местам, поэтому ей так сложно было отгородиться от прошлого. На потертом рюкзаке до сих пор висел брелок с надписью «Маленький монстрик»: отец подарил его, когда ей было десять лет. А в кармане джинсов лежал потрескавшийся кошелек, выбранный мамой еще на тринадцатилетие.

На пути к новой жизни они лишь однажды останавливались в придорожной гостинице, но Киру до сих пор преследовал противный запах жирных беляшей.

В Москву они въехали ночью. Мама вела осторожно, постоянно вглядываясь в знаки и таблички. Над печкой уверенным голосом Василия Уткина вещал навигатор.

— Вот гадство, кажется, поворот пропустила, — ругнулась мама, перестраиваясь по запруженной автомобилями дороге. — Никогда не любила водить.

Она это повторяла каждый раз, когда ошибалась за рулем.

Москва блистала огнями электрических светячков. То тут, то там вырывались из серости желтые от фонарей многоэтажки. Кричали пафосом бизнес-центры, ярко мерцали табло ресторанов и клубов. Здесь жизнь бурлила, словно каша, готовая выкипеть из кастрюли.

Пальцы мамы сжимали руль до побелевших костяшек: она нервничала. Домоседка до мозга костей, женщина с трудом принимала все людное.

— Хочешь, я здесь поведу? — спросила Кира.

— Нет-нет, нормально, довезу нас уже.

Они припарковались в узеньком дворике рядом с двенадцатиэтажкой, в которой предстояло жить. Поднялись с чемоданами на десятый этаж и обе замерли перед железной дверью. Мать и дочь хорошо понимали друг друга, и каждая из них верила, что стоит ключу попасть в замочную скважину — их прошлая жизнь будет перечеркнута. Получив шанс выбраться из болота, в которое их погрузила смерть мужа и отца, они не смели отказаться и струсить.

Механизм щелкнул, и ручка двери мягко ушла вниз. Из квартиры пахнуло стариной. Мама вошла

первая, включила свет и огляделась. Узкий коридор уходил вглубь и раздваивался. С одной стороны был зал, с другой — спальня, которую они планировали в дальнейшем переделать под комнату бабушки.

— Тесновато, но выбирать не приходится. Даренному коню, как говорится... — тихо произнесла мама и поставила чемодан на пол. — Давай-ка умываться да спать. Тебе завтра в университет, а у меня первый день на работе.

— Почему они не могли взять тебя на удаленку?

— Не знаю. Лола сказала, так надо.

— Тетя Лола хорошо знает это издательство?

— Директор — ее родственница по линии отца.

— Ясно.

С Лолой мама познакомилась на писательской конференции. Пара авторов, рукописи которых мама доводила до приемлемого вида, там выступали. Лола же была молодой и деятельной предпринимательницей с уймой идей и верой в каждого человека. Она завладела вниманием мамы с первых слов, и семилетняя разница в возрасте не стала для дружбы помехой.

Кира прошла за мамой, исследующей квартиру. Заглянула в туалет, выложенный безвкусной оранжевой плиткой с бабочками, затем в зал, где на потолке величественно раскинула оборки в виде стеклянных капель массивная люстра. Ненароком вспомнилась общественная библиотека в родном городе: там висела точно такая же махина. На стенах приютились фотографии из разных мест на планете Земля. Похоже, дядя Лолы был путешественником,

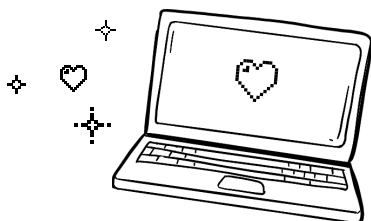

и именно поэтому интерьер его мало интересовал. Тут и джунгли Австралии, и пустынные пляжи Сокотры, возле окна фото с какой-то огромной обезьяной, а у телевизора — с африканским аборигеном. На последних владелец квартиры широко улыбался, словно хотел сквозь пространство и время передать испытываемое им счастье.

Кира провела пальцем по пыльным полкам, хмыкнула, представляя, как они с мамой будут мыть квартиру на выходных, а потом вернулась в коридор. Мама, скинув шелковый шарф и плащ, направилась в ванную. Хрюкнула труба, и в раковину полилась сначала коричневая, а затем желтая вода.

Выпив чая, они устроились на одной кровати: чтобы не тащить много вещей, мама взяла только один комплект постельного белья.

Лежа в темной комнате и прислушиваясь к шуму одиноких машин за окном, Кира гадала, какой будет ее дальнейшая судьба. Как ее встретят в университете, сможет ли она найти другую музыкальную группу и снова взяться за гитару, лишь бы унять боль от потери отца? Отыщет ли она свое место в этой хмурой и с недавних пор бедной жизни?

Глава 2

Это в школе новенького ученика обычно ставили перед классом, представляя скептически настроенным сверстникам. В университете все иначе. Тут в лучшем случае тебя заметит сосед по ряду, в худшем — о твоём существовании узнают только через несколько дней.

Кира никогда не искала знакомств первой. Для начала она присматривалась к окружению, слушала, о чем люди говорят, пыталась запомнить имена студентов из своей группы. В основном это были парни, ведь на прикладную информатику девчонки редко рвались. Кира же поступила на факультет только из-за папы. Она видела, с каким восторгом он рассказывал маме о коде и о собственных достижениях. У них в доме постоянно звучали сложные термины, а когда Кира спрашивала маму, понимает ли она, о чем говорит отец, та лишь с улыбкой отрицательно мотала головой. Она просто знала, что папе это важно — высказаться, — и слушала внимательно, не перебивая.

Фанатичность отца была заразительной, и Кира поддавалась. Пока была маленькой, ходила на работо-